

БЕСЕДЫ О ТЕЛЕВИДЕНИИ

Юрий Нагибин:

ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ

Свою жизнь в искусстве Юрий Нагибин начинал одновременно в кино и в литературе. Учился в институте кинематографии, который не окончив, уйдя на фронт, писал и пишет сценарии. Телевизионные передачи, в которых участвует Юрий Маркович, стали естественным продолжением его писательской работы. Что же определило органичность и прочность вашего союза с домашним экраном? Чтобы получить точный ответ на этот вопрос, мы еще задали Ю. Нагину немало других, но именно он будет прокладывать путь в нашей беседе.

— По-моему, с появлением и, главное, широким распространением телевидения произошла настоящая культурная революция. Как облегчилось знакомство человека с музыкой, кино, театром! Но, с другой стороны, этот путь знакомства с плодами культуры уже в силу самой своей легкости несколько обесценен в глазах зрителя, особенно если в детстве его душа не была подготовлена к восприятию прекрасного. Понятно, например, почему развлекательную программу или пустоватый фильм зритель смотрит вполглаза — и такие чисто развлекательные вещи, конечно, должны быть. Но здесь нужно знать меру — представьте себе, во что может обойтись нашей культуре ситуация, при которой зритель приобретет привычку любое зрелищное искусство воспринимать вполглаза.

Между тем подлинное могущество ТВ заключено, по-моему, в том, что оно может сыграть значительную роль в образовании человека: повысить уровень просвещенности зрителя, открыв в нем талант читателя. Однако что значит любить читать? Иметь привычку проглатывать какое-то количество строк? Нет! Любить читать — значит уметь общаться с хорошими, серьезными книгами, которые могут стать частью твоей сути, мозга, души.

Между тем в сегодняшней школе возникло такое уродливое явление, как изучение писателя практически без чтения его произведений. Но ведь литература воздействует на человека только тем материалом, из которого состоит: словами. Магией слов она формирует и правит человеческую душу, что, поверьте, гораздо важнее, чем лепить волевые качества характера.

— Значит, по-вашему, среди школьных дисциплин и предметов самый важный литература?

— Литературу я бы даже не назвал предметом или дисциплиной. Ведь это не то, что определяет специальность или направленность профессионального интереса человека. Литературу я бы назвал предметом предметов. Литература, особенно русская, всегда смыкалась с философией, историей, идеологией. Наша литература необычайно тесно повязана с жизнью и всегда отличалась высокой душевностью. Я имею в виду не то, что она, мол, сентиментальна или чрезмерно трогательна, а то, что она всегда служила человеческой душе, никогда не была холодна или безразлична к ее заботам. Наша литература всегда была ориентиром для формирования поколений русской интеллигенции, ее силой и защитой. От литературы получаем мы и наслаждение, и научение. В юные годы человеку нужно прежде всего помочь стать человеком. И в этом важнейшем процессе должна участвовать не только школа, но и все институты, причастные просвещению.

— Здесь-то, вероятно, и сможет сыграть свою роль телевидение, в частности его учебные программы?

— Безусловно. И мне представляется очень важным то, что уже давно учебные передачи телевидения не замыкаются на школьной программе, что сегодня они даже шире простой помощи школе. И как один из самых положительных и принципиально важных моментов учебных передач я бы хотел отметить то, что в них всегда звучит само произведение, да еще по большей части в исполнении прекрасных актеров.

Как, например, украсили нашу передачу о Лескове Наталья Гундарева, Борис Чирков, Вадим Маратов. Скажем, Наталья Гундарева исполнила лишь небольшой эпизод из «Леди Макбет Мценского уезда», лишь приоткрыла страшную судьбу, страдания и горестную жизнь своей героини. Но это — огромная помощь мне, ведущему, желающему и этим очерком (так назвал Лесков свой маленький роман), и всем творчеством кудесника русского слова пробудить в зрителе любовь, жадность к литературе.

И, действительно, я до сих пор получаю письма от телезрителей, которые говорят о том, что открыли для себя Лескова. А человек, который прочитал Лескова, отличается от человека, Лескова никогда не читавшего. Он и мудрее, и добрее, и веселее душой. Приходили письма и после передачи об Андрее Платонове. Многие прямо так и писали: Платонов, правда, очень большой писатель, но знали мы его плохо, а теперь ищем его сочинения, которые все еще издаются недостаточно.

— А только что, насколько мне известно, вы закончили передачу об Иннокентии Анненском — писателе, который не только школьникам, но и людям с высшим образованием практически неизвестен.

— К сожалению, даже люди вполне обра-

зованные. Иннокентия Анненского знают не более чем по имени, в лучшем случае как автора стихов популярного романа «Среди миров, в мерцании светил». А ведь это был удивительный поэт. Но, обладая огромным поэтическим талантом, будучи выдающимся филологом-классиком, своеобразнейшим критиком, переводчиком Еврипида и автором трагедий на сюжеты античной мифологии, он как-то сумел остаться в безвестности. Отчасти это объяснялось тем, что он долгие годы был директором и преподавателем Парскосельской гимназии и стихи свои издавал либо без подписи, либо под псевдонимом.

Его «рассекретила» смерть, и поэты знают ему цену, в том числе такой далекий от него поэт, как Маяковский. Свою профессию преподавателя древних языков и греческой литературы он ставил высоко. Вот какие глубокие напутственные слова говорил он выпускникам гимназии в год празднования столетия со дня рождения Пушкина: «Может быть, некоторые из вас выбрали свою будущую специальность ослепно и потеряют год на исправление ошибки, — этого я тоже для вас не боюсь, потому что ошибка случайная и поправимая не есть еще зло. Я боюсь, что прервется та нравственная работа над самопознанием и самоопределением, которая началась для вас, по крайней мере для многих из вас, в гимназии под влиянием великих книг классического мира, в общении с Ксенофонтom, Платоном и Софоклом... Но вы можете мне сказать, что уже самоопределились, выбрав по своим вкусам, наклонностям или способностям ту или другую специальность. Нет, господа, дело самоопределения есть медленная, кропотливая работа: мы старались вложить в ваши сердца только зерна самоопределения и будем счастливы, если в вашей дальнейшей жизни совершится их произрастание...»

Думаю, что над этими напутственными словами поэта не мешало бы задуматься и сегодняшним старшеклассникам, и их учителям. Он понимал, что глупо, конечно, в XX веке отвергать инженерно, точные знания. Но он не устал напоминать, что именно классическое образование сформировало Пушкина с его ясным, дисциплинированным, уравновешенным умом, с его гармонической, высокой душой.

В передаче, посвященной Анненскому, мне хотелось бы напомнить о том, как слово «интеллигент» понималось, расшифровывалось выдающимися деятелями русской культуры и просвещения. Я стараюсь убедить юных зрителей, приобщенных ко всем техническим достижениям нынешнего столетия и живущих в век информационного взрыва, что интеллигент — это не просто человек, который прочел какое-то количество книг, знает несколько имен и дат. Интеллигент — это человек, пронизанный высшим гуманным началом, личностью, через которую проходит тонкое чувство мира, боль мира.

— Серьезные книги, составляющие наше классическое наследие, становятся настольными у все большего количества людей. Не сыграли ли здесь свою роль многосерийные телеэкранизации классики?

— Я знаю, что существует такая точка зрения — и ее пытаются научно обосновывать, уснащая цифрами различного рода социологических исследований, — будто многосерийные экранизации вызывают подлинный интерес к литературным первоисточникам, обращают телезрителя к книге. Что касается меня, то я в это не верю. В отличие от хороших киноэкранизаций, которые не претендуют на подробное изложение того или иного литературного произведения, а стремятся лишь создать более или менее адекватный образ своими специфическими средствами, многосерийная телеэкранизация покорно и вяло ползет по тексту, адаптируя, упрощая его и нисколько не пытаясь хоть как-то интерпретировать. Кинорежиссер стремится решить известную творческую задачу, постановщик многосерийного фильма по большей части переводит роман в движущиеся картинки. Получается, что его главная цель заключается в том, чтобы избавить людей от мук чтения. Я решительно против того, чтобы чтение подменялось чем бы то ни было, даже вполне профессиональным зрелищным искусством. Литературу можно узнать лишь через литературу. Но ТВ обладает могучими средствами, чтобы пробудить желание читать. Ведь само по себе ТВ не является носителем заряда культуры, оно играет роль катализатора, то есть может усилить тягу к познанию нового, к чтению хороших книг, пробудить тягу к поэзии, привлечь к интересному, но недостаточно известным именам и литературным явлениям, возрастать то, что хотя бы в микродозах заложено в каждой здоровой душе, — стремление к красоте.

— Какие жанры телеискусства вы считаете наиболее перспективными?

— Я уже говорил о своем пристрастии к учебно-образовательным программам. Если же обратиться к жанрам художественного телевидения, то наиболее перспективными мне представляются фильмы-исследования. В качестве примера приведу знаменитый сериал итальянского режиссера Р. Кастеллини о Леонардо да Винчи. Найден блестящий прием: автор фильма постоянно привлекает телезрителя как бы к соучастию в судьбе художника, пытается захватить его загадкой Леонардо. И это самое важное: мы не только видим разыгранные актерами сцены, но вместе с ведущим включаемся в размышления о жизни и творчестве великого художника и мыслителя.

По-моему, ТВ выигрывает именно тогда, когда развивает свои оригинальные формы, которые возникают на стыке игрового кино и публицистики. Такого рода гибридные жанры можно использовать не только в телекино, но и в

передачах, в частности в учебных программах. Мечтаю, например, создать подобную передачу о Тредиаковском. О нем выпускнику школы мало что известно, кроме того, что он насадил классицизм в русской литературе, некоторые прибавят, что он создал syllabotonicкое стихосложение вместо прежнего syllabicкое.

Но Василий Кириллович Тредиаковский — прежде всего великий просветитель, предшественник Ломоносова. Конечно, Тредиаковский уступал в поэтическом даровании и просто в умении слагать стихи и Ломоносову, и Сумарокову, но только в его стихах звучала в то время шемшая лирическая нота. И эта нота прорывалась сквозь всю нескладную тяжеловесных виршей, чистая, грудная, задумчивая, — то в стихах о родине, то в воспоминаниях о Париже, то в песенке о кораблике, уходящем в плавание. Его судьба поучительна для юношества и потому, что Василий Кириллович был великим тружеником.

Между тем его, одного из образованнейших людей своего времени, истинного патриота, топтали вельможи и дворцовые холоду, язвительный монарший смех выдавал его на поругание злейшим врагам. Просто рассказ о бурной, несчастной и при этом высокоценной, от данной культуре, литературе и поэзии жизни Василия Тредиаковского кажется мне недостаточным. По-моему, для такой передачи нужно создать сценарий с элементами настоящей драматургии. И нет сомнения, эта форма поможет сближению телезрителей с теми, кто создавал русскую культуру.

Понятно, что такого рода постановочные передачи потребуют и труда, и материальных затрат, но уверен, что моральные плоды их окупят все расходы. Надо знать историю своей страны, надо знать, как создавалась ее культура.

— Вы так заинтересованно говорили о постановочных передачах-исследованиях, что невольно создается впечатление, будто, с вашей точки зрения, этот жанр телевидения — самый перспективный.

— Скорее, один из самых перспективных, особенно если речь идет о творцах, чья жизнь была ярко-эмоциональна и драматична. Например, когда тот же Кастеллини попытался повторить опыт фильма о Леонардо и снял сходную ленту о Верди, то новая картина получилась довольно-таки бледной. Прием следует соотносить с материалом, нельзя злоупотреблять раз найденным.

И в жизни Анненского внешне все было недраматично. Зато в передаче о нем интересным экспериментом может стать само чтение его стихов. Их мало знают, они не звучат с эстрады, не входят в концертные программы — зато нет и штампов их исполнения.

Материал сам диктует подходящую форму — надо только внимательно в него всмотреться. А просторы для поиска на телевидении с его возможностями различного рода мозаичных жанров просто безграничны. И хочу еще раз повторить: никакое другое средство массовых коммуникаций — ни радио, ни газета, ни журнал, ни кино — не может так сильно привлечь человека к активному восприятию культуры, как ТВ. Однако ТВ может и растлить человека, приучить его к дешевой культуре, к суррогатам, если будет безвольно подражать другим видам искусства, порой весьма низкого пошиба, а не развивать собственную эстетику.

— ТВ давно взяло на себя миссию информировать своих зрителей о том литературном процессе, который складывается сегодня, более того, оно стало важнейшей общественной трибуной для десятков современных писателей и поэтов. Как вы относитесь к этой стороне деятельности ТВ, в частности к «Встречам в Останкино»?

— Скажу вначале о «Встречах с писателями в Останкино» — в целом это нужное и полезное дело, которое подчеркивает огромную роль литературы и искусства в нашем обществе. Но, с другой стороны, здесь всегда нужно помнить о том, что система вопросов и ответов, которая составляет структуру подобных передач, может легко сойтись на пустую болтовню. В зрителях, которых телевидение собирает в Концертной студии Останкино, хочется видеть людей, по-настоящему влюбленных в литературу, которые не будут задавать писателю нескромные и откровенно пустые вопросы о личной жизни его коллег или популярных артистов. Я могу, например, понять читателей, которые спрашивали Федора Абрамова, что он думает о нынешнем поколении, о делах современной деревни, об угрозе войны или экологического кризиса, но не тех, которых интересует: «А кто, по-вашему, лучший современный писатель или поэт?» Что такому зрителю прибавят его признания и имеет ли смысл вообще размышлять над тем, кто сильнее — слон или кит?

«Встречи» по-настоящему удаются, если основой их становится сама литература: литература как отражение и обобщение явлений действительности. И если здесь точка отсчета разговора, если это определяет его уровень, вечер, проведенный в Останкино, безусловно, оказывается событием, объединяющим читателей всей страны. И писателю он поможет узнать, что волнует людей сегодня, какие темы, проблемы, явления жизни требуют скорейшего исследования в литературном творчестве.

Среди моих коллег есть такие, которые недооценивают ТВ. Есть и равнодушные к телеэкрану. Есть и такие, которые всегда готовы предстать перед телекамерой. О себе же скажу так: для меня ТВ давно стало естественным продолжением писательской работы, ибо я убежден, что писатель должен выходить ко всем граням современной культуры — он не может питаться только соками детства, земли, тех прямых жизненных обстоятельств, которые выпали ему на долю: будь то война, армия, романтика геологических экспедиций или трудный опыт учительства. С возрастом все больше думаешь о вехах общечеловеческих, и уровень этих размышлений во многом определяется уровнем просвещенности современного общества. Телевидение сегодня — один из мощнейших источников просвещения. Так могу ли я, хотя бы во имя своих профессиональных интересов, отказаться от союза с домашним экраном?

Беседу вела
Е. ЧЕКАЛОВА.